

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 338.48(53)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

Туристский потенциал стран Ближнего Востока и его влияние на развитие экономики стран региона

Елена М. Крюкова

*Российский государственный социальный университет,
Москва, России, lena-krukova@yandex.ru*

Виктор М. Заернюк

*Российский государственный геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия, zvt4651@mail.ru*

Аннотация. Страны Ближнего Востока находятся на этапе глубокой структурной трансформации, направленной на снижение зависимости национальных экономик от нефтегазового сектора. В этих условиях туризм приобретает статус стратегического направления диверсификации. Настоящее исследование оценивает туристский потенциал региона через призму его природных, культурно-исторических, религиозных и инфраструктурных компонентов, акцентируя внимание на таких государствах, как ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания, Израиль, Оман и Катар. Анализ основан на данных ООН Туризм (UN Tourism=UNWTO)¹, Всемирного банка и WTTC, дополненных официальными документами национальных стратегий, включая Саудовскую “Vision 2030”. Методологический инструментарий включает системный и сравнительный подходы, статистическую интерпретацию макроэкономических показателей и тематическое прочтение программных текстов. Установлено, что в странах Персидского залива туризм уже вносит весомый вклад в ВВП, формирует значительный сегмент занятости и выступает катализатором прямых иностранных инвестиций. Вместе с тем реализация потенциала сдерживается рядом факторов: геополитической нестабильностью,

© Крюкова Е.М., Заернюк В.М., 2026

¹ В январе 2024 г. Всемирная туристская организация (UNWTO; на русском языке – сокращенно ЮНВТО) была переименована в UN Tourism («ООН-туризм»). В статье используется прежнее название – UNWTO/ЮНВТО – для согласования с историческими источниками.

климатическими ограничениями, социально-культурными барьерами и экологическими издержками масштабной застройки. В заключении формулируются рекомендации по выстраиванию устойчивой модели развития, сочетающей экономические амбиции с сохранением культурной самобытности и природного капитала региона.

Ключевые слова: туризм, Ближний Восток, экономическое развитие, туристский потенциал, диверсификация экономики, религиозный туризм, культурное наследие, инфраструктура, устойчивое развитие

Для цитирования: Крюкова Е.М., Заернюк В.М. Туристский потенциал стран Ближнего Востока и его влияние на развитие экономики стран региона // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 89–109. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

The tourism potential of the countries of the Middle East and its impact on the economic development of the countries of the region

Elena M. Kryukova

*Russian State Social University, Moscow, Russia,
lena-krukova@yandex.ru*

Victor M. Zaernyuk

*Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting,
Moscow, Russia, zvm4651@mail.ru*

Abstract. The countries of the Middle East are at a stage of deep structural transformation aimed at reducing the dependence of the national economies on the oil and gas sector. In these conditions, tourism acquires the status of a strategic area of diversification. This study evaluates the tourism potential of the region through the prism of its natural, cultural, historical, religious and infrastructural components, focusing on the countries such as the United Arab Emirates, Saudi Arabia, Jordan, Israel, Oman and Qatar. The analysis is based on the data from the UNWTO, the World Bank and the WTTC, supplemented by the official documents of the national strategies, including Saudi Vision-2030. The methodological tools incorporate the systematic and comparative approaches, statistical interpretation of the macroeconomic indicators, and the thematic reading of program texts. It has been established that tourism in the Persian Gulf countries is already a significant contributor to their GDP, forms a significant segment of employment and acts as a catalyst for foreign direct investment. At the same

time, the full realization of the potential is hindered by a number of factors: geopolitical instability, climatic constraints, socio-cultural barriers and the environmental costs of a large-scale development. In conclusion, recommendations are formulated on building a sustainable development model that combines economic ambitions with the preservation of the cultural identity and the natural capital of the region.

Keywords: tourism, Middle East, economic development, tourism potential, economic diversification, religious tourism, cultural heritage, infrastructure, sustainable development

For citation: Kryukova, E.M. and Zaernyuk, V.M. (2026), “The tourism potential of the countries of the Middle East and its impact on the economic development of the countries of the region”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 89–109, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

Введение

Ближний Восток – регион с глубоким историко-цивилизационным наследием, на протяжении веков служивший колыбелью трех авраамических религий, узлом древних торговых маршрутов и ареной формирования могущественных империй. Однако в XX–XXI вв. его внешний образ в значительной мере определялся не столько культурным достоянием, сколько нефтегазовым богатством и геополитической нестабильностью. В последние годы эта картина постепенно трансформируется: все больше стран региона заявляют о себе как о перспективных туристических направлениях, стремясь переосмыслить свой международный имидж и диверсифицировать экономику.

Туризм все чаще рассматривается не просто как сектор услуг, а как системный инструмент постиндустриального развития. Это особенно заметно в стратегических инициативах ведущих государств: саудовской “Vision 2030”, катарской “Qatar National Vision 2030” и “Oman Vision 2040”, где туристическая отрасль закреплена в качестве одного из опорных элементов ненефтяного роста. Действительно, туризм способен генерировать значительные валютные поступления, стимулировать развитие транспорта, строительства, HoReCa и цифровых сервисов, а также создавать десятки тысяч рабочих мест. В то же время его развитие сдерживается совокупностью факторов – от экстремального климата и уязвимости к геополитическим рискам до культурных специфик, визовых барьеров и недостаточной координации на региональном уровне.

В этих условиях назревает необходимость целостной оценки туристского потенциала Ближнего Востока и его экономической отдачи. Настоящая статья направлена на анализ природных, культурно-исторических и инфраструктурных ресурсов региона, количественную оценку вклада туризма в ключевые макроэкономические показатели и выявление условий, способствующих или препятствующих устойчивому развитию отрасли в условиях современных вызовов.

Теоретическая часть

Современные теоретические подходы к изучению туристского потенциала все чаще выходят за рамки традиционного восприятия туризма как сектора услуг, акцентируя внимание на его трансформационной роли в экономике стран, стремящихся преодолеть сырьевую зависимость. Ближний Восток, долгое время репрезентируемый в глобальном дискурсе через призму нефтяной экономики и геополитических конфликтов, сегодня становится лабораторией постиндустриальной перестройки, где туризм выступает как инструмент не только экономической, но и имиджевой модернизации. Несмотря на рост научного интереса, отсутствует единственный теоретико-методологический каркас, интегрирующий культурные, инфраструктурные, цифровые и макроэкономические аспекты туристического развития региона в целостную аналитическую модель.

Особое место в дискуссии занимает концепция религиозного туризма, которая, по мнению ряда исследователей, требует концептуального обновления. Термин «религиозный туризм» утрачивает аналитическую точность и должен быть расширен до понятия «духовный туризм», отражающего сдвиг от формального паломничества к поиску личного смысла, саморефлексии и культурного диалога [Афанасьев, Афанасьева 2019; Kim 2019]. Для Ближнего Востока – пространства сакральности ислама, христианства и иудаизма – эта эволюция особенно значима: миллионы паломников, ежегодно посещающих Мекку, Медину, Иерусалим и Назарет, формируют не только религиозный, но и мощный экономический поток, охватывающий логистику, гостеприимство, ритуальные услуги и сувенирную продукцию. Однако реализация этого потенциала ограничена не только физическими, но и символическими барьерами. Разрушение культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов, политические манипуляции с исторической памятью и маргинализация религиозных меньшинств подрывают доверие к

региону как к устойчивому туристическому пространству и затрудняя долгосрочное планирование [Timothy 2020].

Экономический вектор исследований фокусируется на роли туризма как источника диверсификации. Экспорт туристических услуг составляет свыше 10% ВВП в Иордании и Ливане, а в ОАЭ и Саудовской Аравии становится ключевым компонентом нефтяного экспорта [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. При этом наблюдается выраженная концентрация: на три страны – ОАЭ, Саудовскую Аравию и Египет – приходится около 65% всего туристического экспорта региона², что указывает на глубокую асимметрию в развитии и подчеркивает необходимость изучения не только лидеров, но и стратегий догоняющего роста. Эта диспропорция порождает теоретический вызов: как обеспечить инклюзивное развитие туризма в условиях ограниченных ресурсов и геополитической фрагментации?

Цифровая трансформация открывает новые горизонты для решения этих задач. Арабские государства активно внедряют цифровые платформы, искусственный интеллект и блокчейн-технологии для персонализации туристического опыта, автоматизации визовых процедур и повышения безопасности [Барини 2023]. Эти инициативы находят отражение в стратегических документах и получают эмпирическое подтверждение. Даже страны-«новички» в туристической индустрии, такие как Саудовская Аравия, способны быстро достичь конкурентоспособности благодаря синергии государственной политики, инвестиций и технологий [Mahate, Parahoo 2022]. Цифровизация, таким образом, выступает не просто техническим усовершенствованием, а фактором снижения барьеров входа на мировой туристический рынок.

Параллельно развивается дискуссия об устойчивом туризме. В регионах с хрупкой экологической и культурной средой, таких как Ближний Восток, принципы устойчивости должны лежать в основе любой туристической стратегии [Hall 2015]. Однако между декларациями и практикой сохраняется разрыв: гигантские инфраструктурные проекты, такие как НЕОМ или искусственные острова в Дубае, несмотря на использование «зеленых» технологий, неизбежно влекут за собой глубокое вмешательство в природные ландшафты. В этом контексте особую ценность приобретают локальные инициативы. Сельский туризм рассматривается как потенциальный вектор восстановления сельских территорий и укрепления межкультурных связей, в том числе с Россией [Оришев, Мамедов,

² По данным [Воронина, Яценко, Хедер 2023], на туристический экспорт ОАЭ приходится 36,1%, Саудовскую Аравию – 15,5%, Египет – 13,2%.

Кортунов 2023]. Однако его масштабирование возможно только при условии вовлечения местных сообществ и создания устойчивых кооперативных моделей.

Несмотря на обширную научную базу, существующие исследования характеризуются фрагментарностью. Большинство работ сосредоточены либо на отдельных странах (преимущественно на ОАЭ и Саудовской Аравии), либо на узких сегментах – религиозном, цифровом или сельском туризме. Отсутствует системный подход, охватывающий регион в целом и учитывающий взаимосвязь между культурным наследием, инновационной инфраструктурой, макроэкономическими результатами и принципами устойчивого развития. Особенно слабо изучены вопросы межстрановой координации, трансграничных туристических маршрутов и баланса между модернизацией и сохранением культурной идентичности. Именно этот теоретический пробел и стремится восполнить настоящее исследование, предлагая комплексную оценку туристского потенциала стран Ближнего Востока как основы формирования постнефтяных экономик.

Методология и материалы

Исследование туристского потенциала стран Ближнего Востока и его экономических последствий потребовало применения многоуровневой методологической стратегии, сочетающей качественные и количественные подходы. Основу аналитического инструментария составили системный и сравнительный методы, которые позволили не только описать отдельные компоненты туристической системы, но и выявить их взаимосвязи, а также проследить дифференциацию в стратегиях развития на национальном уровне. Системный подход был задействован для реконструкции структуры туристского потенциала как целостного явления, включающего природные ландшафты, культурно-историческое наследие, инфраструктурную оснащенность и институциональную среду, а также для оценки их совокупного вклада в процессы экономической трансформации.

Сравнительный анализ охватил группу стран – Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль, Катар, Оман и Ливан, – отобранных по признаку гетерогенности: различий в уровне доходов, геополитическом статусе, ресурсной базе и степени открытости туристическому рынку. Такой выбор обеспечил репрезентативность выводов и позволил выделить как общие тенденции, характерные для всего региона, так и национально-

специфические модели развития. Особое внимание уделено государствам Персидского залива, где туризм интегрирован в стратегии постнефтяной модернизации и сопровождается беспрецедентными по масштабу инвестициями.

Количественная составляющая исследования опиралась на статистический анализ данных, полученных из авторитетных международных и национальных источников. В качестве основных баз использовались публикации Всемирной туристской организации³, содержащие динамику международных прибытий, объемы доходов от туризма, а также показатели вклада отрасли в ВВП и занятость. Дополнительно привлекалась официальная статистика министерств туризма и национальных статистических управлений стран региона за период 2019–2024 гг.⁴ Эти данные легли в основу расчета ключевых макроэкономических индикаторов и позволили провести объективную оценку экономического эффекта от развития туризма.

Для интерпретации стратегических установок государственной политики был проведен тематический анализ программных документов, включая “Vision 2030” Саудовской Аравии, “Qatar National Vision 2030” и “Oman Vision 2040”, а также отраслевые туристические стратегии и инвестиционные меморандумы. Этот метод позволил выявить цели, приоритеты и инструменты государственного регулирования, а также проследить эволюцию подходов – от религиозно-ограниченного туризма к многосегментной, ориентированной на глобальный рынок модели.

Теоретическая база исследования была укреплена за счет анализа научных публикаций, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science, а также в российской научной базе РИНЦ. Это обеспечило методологическую рефлексивность и позволило соотнести эмпирические данные с существующими теоретическими рамками – от ресурсно-ориентированного подхода (RBV) до концепций устойчивого и духовного туризма.

³ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

⁴ Saudi Arabia Foreign Direct Investment Report. 2024. URL: <https://misa.gov.sa/app/uploads/2024/03/saudi-arabia-foreign-direct-investment-report-january-2024.pdf> (дата обращения: 09.12.2025); Ministry of Interior, STR and Qatar Tourism. 2023. URL: <https://www.qatartourism.com/content/dam/qatar-tourism/qatar-tourism-reports/qatar-tourism-q1-performance-report-2023.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

Комбинация этих методов – системного и сравнительного анализа, статистической обработки, тематического прочтения стратегических документов и опоры на академическую литературу – позволила сформировать многомерную картину туристического развития Ближнего Востока, избегая как упрощенного экономического редукционизма, так и избыточной культурологической детерминации. Такой подход обеспечил достоверность полученных результатов и их применимость для выработки практических рекомендаций по устойчивому развитию туристской отрасли в условиях глобальной нестабильности и региональной трансформации.

Природный и культурно-исторический потенциал

Туристская привлекательность Ближнего Востока базируется на уникальном сочетании природных контрастов и многотысячелетнего культурного наследия, формирующего многослойный и дифференцированный туристский продукт. Ландшафтная палитра региона охватывает от пустынных равнин до горных массивов и морских побережий, что создает предпосылки для развития разнообразных форм туризма – от экстремального и экологического до курортного и познавательного. Крупнейшая в мире непрерывная песчаная пустыня Руб-эль-Хали, раскинувшаяся на территориях Саудовской Аравии, Омана, Йемена и ОАЭ, представляет собой не только географический феномен, но и объект притяжения для исследователей и любителей пустынного авантюризма [Оришев, Мамедов, Картунов 2023]. В то же время побережья Красного моря, омывающие Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и Египет, славятся кристально чистой водой и богатейшими коралловыми рифами, превращая регион в один из мировых центров дайвинга; курорты Акаба и Эйлат давно утвердились в международной туристической карте как премиальные морские направления [Королева 2022]. Горный туризм получает развитие в Омане и ОАЭ, где хребет Аль-Хаджар с его ущельями, террасированными селениями и древними ирригационными системами афладж – объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО – предлагает уникальный синтез природной красоты и культурной аутентичности. Несмотря на экстремальную летнюю жару, ландшафтно-климатические особенности региона позволяют активно развивать зимний и межсезонный туризм, что нашло отражение в национальных стратегиях ОАЭ и Саудовской Аравии [Оришев, Мамедов, Картунов 2023].

Культурно-исторический потенциал региона обусловлен его ролью как колыбели древних цивилизаций и родины трех авраами-

ческих религий. Сакральное значение Ближнего Востока для миллиардов верующих делает его глобальным центром религиозного туризма. Саудовская Аравия как хранительница исламских святынь Мекки и Медины ежегодно принимает миллионы паломников: по данным национального Министерства туризма, в 2024 г. общее число прибывших превысило 18,5 млн человек⁵, что подчеркивает не только духовную, но и значительную экономическую нагрузку хаджа и умры [Monshi, Scott 2015]. Иерусалим, находящийся на пересечении иудаизма, христианства и ислама, сохраняет статус одной из самых посещаемых духовных точек мира, несмотря на политическую напряженность; паломнические маршруты также включают Вифлеем, Назарет и берега реки Иордан, привлекающие христианские группы из разных стран [Афанасьев, Афанасьева 2019]. Археологическое наследие региона исключительно богато: Петра в Иордании, высеченная в розовом песчанике и включенная в список Нового семи чудес света, ежегодно генерирует существенные валютные поступления для национальной экономики [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. Потенциал Сирии, Ирака и Ливана – с такими объектами, как Пальмира, Библ или шумерские города Месопотамии – остается в значительной степени нереализованным из-за последствий вооруженных конфликтов и нестабильности [Bitusikova 2021].

В то же время страны Персидского залива компенсируют недостаток древнего наследия созданием нового культурного капитала: музейный квартал на острове Саадият в Абу-Даби (включая филиал Лувра), Музей будущего в Дубае и археологический парк Аль-Ула в Саудовской Аравии становятся якорными точками современного культурного туризма [Русакович 2017]. Таким образом, регион предлагает гибридное туристское предложение, сочетающее подлинные реликвии прошлого с инновационными культурными проектами, что позволяет охватить широкий спектр аудиторий – от традиционных паломников и археологов до поклонников современного искусства и технологий [Русакович 2017; Афанасьев, Афанасьева 2019; Timothy 2020].

Инфраструктурное развитие

Трансформация туристической инфраструктуры в странах Ближнего Востока за последние два десятилетия стала одним из

⁵ В Саудовской Аравии рассказали о числе паломников в 2024 г. // Информационное агентство «Красная весна». 25.04.2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6f955b99> (дата обращения: 09.12.2025).

самых заметных проявлений региональной стратегии экономической диверсификации, направленной на снижение зависимости от нефтяных доходов. Особенно стремительные изменения наблюдаются в государствах Персидского залива, где формирование современной инфраструктуры рассматривается не как вспомогательная мера, а как системный элемент государственной политики. Объединенные Арабские Эмираты, задавшие вектор развития еще в 2000-х гг., к середине 2010-х сформировали одну из наиболее развитых туристических инфраструктур в мире. Аэропорты Дубая и Абу-Даби, входящие в число крупнейших транзитных хабов глобальной авиации, обеспечивают прямые рейсы более чем в 200 городов, обеспечивая беспрецедентную транспортную доступность региона для туристов со всех континентов [Королева 2022]. Гостиничный сектор охватывает полный спектр – от ультралюксовых объектов вроде Burj Al Arab и Atlantis The Palm до сетей эконом- и среднего сегмента, а также динамично растущего рынка краткосрочной аренды, что позволяет гибко реагировать на запросы разнообразной аудитории [Русакович 2017]. Дубай, в свою очередь, превратился в глобальный центр MICE-туризма благодаря концентрации уникальных объектов: тематических парков (Ferrari World, IMG Worlds of Adventure), крупнейших торговых комплексов (Dubai Mall) и инновационных пространств, таких как Музей будущего и выставочный центр Dubai Exhibition City, созданный к Expo 2020.

Саудовская Аравия, до недавнего времени остававшаяся закрытой для массового международного туризма, с 2019 г. приступила к реализации амбициозной инфраструктурной программы в рамках стратегии “Vision 2030”. Ее центральными элементами стали мегапроекты, выходящие за рамки традиционного понимания туристической застройки: NEOM – умный город будущего стоимостью свыше 500 млрд долларов США на побережье Красного моря, и Red Sea Project – премиальный экокорт, разрабатываемый при участии ведущих международных архитекторов и экологов [Русакович 2017; Оришев, Мамедов, Картунов 2023]. Параллельно модернизируется транспортная сеть: строятся скоростные магистрали, расширяется аэропортовая инфраструктура, внедряются цифровые платформы управления туристическими потоками, включая единый портал “Visit Saudi” [Monshi, Scott 2017]. Особое внимание уделяется интеграции современной инфраструктуры в исторические ландшафты – в Аль-Уле создаются туристические маршруты по следам набатейской цивилизации с возведением отелей и музейных комплексов, сохраняющих аутентичность археологической среды [Русакович 2017].

Катар, как принимающая сторона крупных международных событий, включая чемпионат мира по футболу FIFA 2022, совершил рывок в развитии транспортной и гостиничной инфраструктуры: запущен метрополитен, построены отели мировых сетей, сформирован культурный квартал (MIA Park, Национальный музей Катара), а также создан город-спутник Лусаил, предназначенный для проведения глобальных деловых и туристических мероприятий [Kozak, Alain 2009]. В то же время Оман и Иордания делают ставку на экологически деликатную инфраструктуру: в горах Аль-Хаджар и пустыне Уади-Рам разворачиваются эко-лагеря, сочетающие минимальное вмешательство в природную среду с высоким уровнем комфорта и погружением в традиционный уклад жизни [Оришев, Мамедов, Кортуннов 2023].

Несмотря на впечатляющие достижения, регион остается глубоко дифференцированным: в то время как страны Персидского залива демонстрируют высокую инфраструктурную зрелость, Ливан, Сирия и Йемен сталкиваются с разрушением или недостаточным обновлением туристических объектов вследствие затяжных конфликтов и экономических кризисов [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. Тем не менее общий вектор развития очевиден: государственные инвестиции в транспорт, размещение, развлечения и цифровые сервисы становятся ключевым условием конкурентоспособности на мировом туристическом рынке и фундаментом для реализации постнефтяных экономических стратегий [Русакович 2017; Королева 2022; Hall 2015].

Экономическое влияние туризма

Туристический сектор в странах Ближнего Востока все более уверенно утверждает себя в качестве одного из основных двигателей экономического роста, замещая в структуре доходов традиционную нефтегазовую ренту. Регион демонстрирует один из самых высоких темпов восстановления туристических потоков после пандемии: по данным Всемирной туристской организации (UNWTO), в 2023 г. число международных прибытий превысило 83 млн человек, что на 22% больше, чем в 2022 г., и на 15% выше докризисного уровня 2019 г. Этот рост напрямую транслируется в макроэкономические показатели. В Объединенных Арабских Эмиратах доля туризма в ВВП в 2023 г. составила 11,5%, а занятость в отрасли – как прямая, так и косвенная – превысила 570 тыс. человек, что соответствует почти 10% общей рабочей

силы страны⁶. В Иордании, лишенной собственных энергетических ресурсов, туризм традиционно выполняет стратегическую функцию: по данным Всемирного банка (2023), его вклад в ВВП достиг 14%, а валютные поступления покрывают до четверти дефицита торгового баланса⁷.

Особенно впечатляющая трансформация Саудовской Аравии, которая до 2019 г. фактически не учитывала международный туризм в национальной экономической статистике. Уже в 2023 г. сектор вырос более чем на 32% и внес рекордный вклад в ВВП – 444,3 млрд саудовских риялов (около 118 млрд долларов США), что составляет 11,5% национальной экономики и превышает предыдущий максимум почти на 30%⁸. Этот скачок отражает не просто количественное увеличение потоков, а глубокую интеграцию туризма в новую экономическую модель страны.

Особый интерес с точки зрения экономической политики представляет способность туристического сектора генерировать занятость и привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – два показателя, напрямую отражающих его вклад в социально-экономическое развитие. Согласно данным WTTC, в 2023 г. в Объединенных Арабских Эмиратах в туристической отрасли были задействованы свыше 570 тыс. человек, а в Саудовской Аравии – более 1 млн, включая как прямые, так и косвенные рабочие места в смежных сферах: строительстве, логистике, гостиничном и ресторанным бизнесе (HoReCa). При этом Саудовская Аравия заняла лидирующую позицию по объему ПИИ в туризм среди стран региона – 6,8 млрд долларов США, что непосредственно связано с реализацией стратегических инициатив “Vision 2030”, в частности таких мегапроектов, как NEOM и Red Sea Project, изначально спроектированных с привлечением международного капитала. В совокупности на долю Саудовской Аравии и ОАЭ приходится свыше 75% всех прямых иностранных инвестиций, направляемых в туристический сектор Ближнего Востока, что закрепляет за этими странами статус ключевых инвестиционных хабов региона.

⁶ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

⁷ WV. 1. World Development Indicators: Size of the economy. URL: <https://wdi.worldbank.org/table/WV.1> (дата обращения: 09.12.2025).

⁸ Saudi Arabia Foreign Direct Investment Report. 2024. URL: <https://misa.gov.sa/app/uploads/2024/03/saudi-arabia-foreign-direct-investment-report-january-2024.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

Экономический эффект туризма выходит далеко за рамки прямого вклада в ВВП и валютных поступлений, оказывая мультипликативное влияние на смежные отрасли. В ОАЭ и Саудовской Аравии именно туристические мегапроекты выступают ключевым стимулом для роста строительного сектора и развития инфраструктуры. Так, проект НЕОМ в Саудовской Аравии, совокупный бюджет которого оценивается в 500 млрд долларов США, к 2030 г. должен создать до 380 тыс. новых рабочих мест и привлечь десятки миллиардов частных инвестиций⁹. В то же время в странах с иной моделью развития, таких как Иордания и Оман, туризм становится инструментом территориального выравнивания: программы экотуризма и гастрономического туризма способствуют оживлению сельских районов, сокращению регионального неравенства и укреплению местного предпринимательства, в первую очередь в секторе малого и среднего бизнеса [Оришев, Мамедов, Кортуннов 2023].

Вместе с тем высокая зависимость от международного спроса делает отрасль крайне чувствительной к глобальным кризисам. Пандемия COVID-19 привела к резкому сокращению туристических доходов в регионе в 2020 г. – на 60–75% по сравнению с 2019 г., что наглядно продемонстрировало уязвимость экспортно ориентированной туристической модели¹⁰. Этот опыт подчеркнул необходимость диверсификации туристического предложения и активного развития внутреннего и регионального туризма как буфера против внешних шоков. Тем не менее наблюдаемые в последние годы тенденции позволяют утверждать: при условии сбалансированного регулирования и стратегического планирования туризм способен стать устойчивым источником экономического роста, генерации валютных поступлений и социальной стабильности в странах Ближнего Востока, особенно в условиях постепенного снижения глобальной зависимости от ископаемого топлива [Hall 2015].

Барьеры и вызовы

Реализация туристского потенциала Ближнего Востока сдерживается совокупностью структурных ограничений, охватывающих геополитическую, климатическую, социально-культурную

⁹ Ibid.

¹⁰ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

и институциональную сферы. Несмотря на масштабные инвестиции и амбициозные стратегии, регион продолжает ассоциироваться у международной аудитории с зоной повышенного риска. Вооруженные конфликты в Сирии, Йемене и Ираке, а также периодические эскалации на палестино-израильских территориях и в Ливане формируют устойчивый образ небезопасности, который распространяется и на стабильные туристические направления, такие как ОАЭ или Саудовская Аравия, несмотря на их физическую отдаленность от зон боевых действий. Эмпирические данные подтверждают прямую зависимость туристических потоков от восприятия безопасности: даже краткосрочные всплески насилия в соседних странах способны вызывать падение бронирований на 20–30% в ведущих курортах региона [Richter 2003].

Климатические условия представляют собой еще одно системное ограничение. В странах Персидского залива летние температуры регулярно превышают +45–50 °С, что сужает туристический сезон до пяти месяцев – с ноября по март. Такая концентрация потоков создает избыточную нагрузку на инфраструктуру и увеличивает операционные расходы. Хотя государства активно развивают климатизированные пространства – торговые центры, метрополитены, крытые развлекательные комплексы, – это затрудняет развитие открытых природных и культурных маршрутов, которые составляют основу устойчивого экотуризма. Более того, до 70% энергопотребления в туристических зонах ОАЭ и Саудовской Аравии приходится на системы охлаждения, что вступает в противоречие с декларируемыми принципами «зеленого» туризма и увеличивает экологический след отрасли [Карамова 2013].

Социально-культурные нормы также формируют определенные барьеры для широкой аудитории. В Саудовской Аравии, несмотря на либерализацию нравов, сохраняются требования к скромной одежде, запрет на публичное употребление алкоголя и особенности гендерного взаимодействия в общественных местах. Хотя в новых туристических зонах, таких как NEOM или Red Sea Project, правила смягчаются, многие путешественники из Западной Европы и Северной Америки по-прежнему воспринимают эти ограничения как препятствие для свободного передвижения и комфортного отдыха [Шмыткова, Чечётенко 2017]. Парадокс заключается в том, что именно строгое соблюдение традиций обеспечивает успех религиозного туризма, но одновременно тормозит развитие массового светского сегмента, ориентированного на развлечения и пляжный досуг [Афанасьев, Афанасьева 2019].

Институциональные барьеры сохраняются, несмотря на общую тенденцию к либерализации. Если ОАЭ, Саудовская Аравия и Ка-

тар внедрили упрощенные электронные и безвизовые режимы, то в Иордании, Омане и особенно в Ливане процедуры оформления разрешений остаются бюрократически сложными и непрозрачными. Это снижает конкурентоспособность этих стран на фоне более «туристически дружелюбных» регионов – Юго-Восточной Азии или Средиземноморья [Королева 2022].

Отдельную проблему представляет экологическая устойчивость. Масштабные инфраструктурные проекты – от искусственных островов в Дубае до курортов на побережье Красного моря – неизбежно влекут за собой вмешательство в хрупкие экосистемы пустынь и коралловых рифов. Даже при использовании солнечной энергии и опреснительных установок строительство десятков роскошных отелей на необитаемых островах ведет к деградации морской среды [Оришев, Мамедов, Картунов 2023].

Наконец, существует риск формирования новой зависимости – уже не от нефти, а от туризма. Чрезмерная ориентация на внешний спрос делает экономики уязвимыми к глобальным кризисам: пандемия COVID-19 практически парализовала отрасль в 2020 г., а геополитическая нестабильность или валютные колебания могут вновь обострить эту уязвимость [Пряникова 2025; Mahate, Parahoo 2022]. Таким образом, устойчивое развитие туризма в регионе возможно только при условии выстраивания сбалансированной модели, которая сочетает экономический рост, социальную инклюзивность и экологическую ответственность.

Устойчивое развитие туризма

В условиях глобального перехода к принципам экологической ответственности и социальной инклюзивности концепция устойчивого туризма становится не просто декларативным ориентиром, а практической необходимостью для стран Ближнего Востока, стремящихся к постнефтяной диверсификации. В регионе, где хрупкие пустынные экосистемы и многотысячелетнее культурное наследие соседствуют с амбициозными инфраструктурными проектами, устойчивость определяет не только экологическую, но и экономическую долгосрочную жизнеспособность туристического сектора. Под устойчивым туризмом здесь понимается модель, которая балансирует между экономическими выгодами, охраной природной среды и уважением к социокультурной идентичности местных сообществ, обеспечивая ресурсную преемственность между поколениями [Hall 2015].

Особое внимание привлекает опыт Саудовской Аравии, где проект Red Sea Project позиционируется как первый в мире ре-

генеративный курорт – не просто нейтральный, а положительно влияющий на окружающую среду. Согласно проектной документации, курорт будет функционировать исключительно на возобновляемой энергии, использовать замкнутый цикл водоснабжения с опреснением морской воды и полной переработкой сточных вод, а 75% островов архипелага останутся нетронутыми, получив статус охраняемой природной территории. Разработчики заявляют, что объект будет поглощать больше углерода, чем производить, превращая его в экспериментальную площадку для региона [Hall 2015]. Схожие подходы применялись и в других странах: при подготовке к чемпионату мира по футболу в Катаре (2022) при строительстве туристической инфраструктуры использовались материалы с низким углеродным следом и энергоэффективные технологии, а в ОАЭ внедряются «умные» системы управления потреблением энергии и воды в гостиничном секторе.

Устойчивость туризма не ограничивается экологическим измерением. В Иордании и Омане все большее распространение получают модели, основанные на вовлечении местных сообществ. В пустыне Уади-Рам и горах Аль-Хаджар создаются туристические кооперативы, в которых коренные жители выступают не в роли обслуживающего персонала, а как собственники эко-лагерей, ремесленных мастерских и гастрономических инициатив. Такой подход не только сохраняет традиционный уклад жизни, но и направляет значительную часть доходов напрямую в локальные экономики, снижая неравенство и укрепляя мотивацию к сохранению природного и культурного наследия [Timothy 2020].

Цифровизация также становится инструментом устойчивого управления. Виртуальные туры, цифровые гиды с геолокацией и системы бронирования, учитывающие экологический след, позволяют снизить физическую нагрузку на уязвимые достопримечательности. Более того, анализ больших данных и применение искусственного интеллекта дают возможность прогнозировать туристические потоки и оперативно регулировать доступ к объектам, предотвращая перегрузку инфраструктуры и деградацию среды [Барини 2023].

Тем не менее между заявленными целями и реальной практикой зачастую сохраняется значительный разрыв. Многие «зеленые» инициативы носят преимущественно маркетинговый характер и не сопровождаются независимым экологическим аудитом или обязательными стандартами. Даже самые технологически продвинутые мегапроекты, по своей сути, предполагают глубокое вмешательство в ландшафт, что ставит под сомнение возможность достижения «нулевого воздействия» [Hall 2015]. Следовательно, подлинная

устойчивость возможна только при условии создания надежных институциональных механизмов: независимого экологического контроля, участия местных сообществ в принятии решений и долгосрочных образовательных программ, формирующих культуру ответственного поведения как у туристов, так и у операторов.

Выводы

Туристический сектор в странах Ближнего Востока переживает качественную трансформацию: из узкоспециализированной, преимущественно религиозной деятельности он превращается в стратегический элемент экономической политики, способный обеспечить диверсификацию, сгенерировать занятость, привлечь иностранный капитал и укрепить международный имидж национальных брендов. Эта эволюция становится возможной благодаря уникальному сочетанию природного разнообразия, многотысячелетнего культурного наследия и масштабных инфраструктурных инициатив, формирующих многоуровневое туристское предложение. Сегодня регион способен удовлетворить запросы широкого спектра путешественников – от паломников и исследователей древностей до поклонников *luxury*-туризма и цифровых инноваций.

Наиболее впечатляющие изменения наблюдаются в Объединенных Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии, которые за короткий исторический срок из замкнутых или узко функциональных направлений превратились в глобальные туристические хабы. Этот прорыв стал возможен благодаря последовательной реализации долгосрочных стратегий, в первую очередь саудовской “*Vision 2030*”, в рамках которой туризм закреплён как один из столпов постнефтяной экономики. Однако параллельно с ростом возможностей обозначаются и серьёзные ограничения. Политическая нестабильность в отдельных странах, экстремальные климатические условия, социально-культурные особенности и экологические издержки масштабной застройки хрупких территорий формируют комплекс вызовов, требующих не только технологических, но и институциональных решений.

Будущее туристического развития региона будет определяться способностью государств интегрировать принципы устойчивого туризма – экологической ответственности, социальной инклюзивности и уважения к культурной идентичности – в национальные программы. Не менее важными становятся укрепление регионального сотрудничества, создание трансграничных туристических маршрутов и формирование нового образа Ближнего Востока:

открытого, безопасного и гостеприимного, но при этом сохраняющего связь с собственными традициями. При грамотном стратегическом управлении туризм способен выступить не только двигателем экономического роста, но и инструментом «мягкой силы», способствующим долгосрочной стабильности и процветанию всего региона [Черевишко 2022].

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания от 27 декабря 2023 г. № 075–00096-24-00 на выполнение фундаментального научного исследования по теме: по теме: «Современное состояние международного туризма (с 2000–2024 гг.) во всех странах Ближневосточного региона: статистический, географический и культурологический анализ распределения и использования туристского потенциала в странах Ближнего Востока».

Acknowledgements

The article was prepared under the State Assignment No. 075–00096-24-00 dated December 27, 2023, for the implementation of a fundamental scientific research project on the topic “The Current State of International Tourism (2000–2024) in All Countries of the Middle East Region: A Statistical, Geographical, and Cultural Analysis of the Distribution and Utilization of Tourism Potential in the Middle Eastern Countries”.

Литература

- Афанасьев, Афанасьева 2019 – *Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В.* Религиозный туризм как тренд мировой и российской туриндустрии: концептуальная сущность и модели развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 3. С. 7–27.
- Барини 2023 – *Барини Х.* Цифровая трансформация в арабских странах: подходы и направления // Информация и инновации. 2023. Т. 18. № 4. С. 47–57.
- Воронина, Яценко, Хедер, 2023 – *Воронина Т.В., Яценко А.Б., Хедер З.* Состояние и факторы развития международного туризма в странах Ближнего Востока // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 55–66.
- Карамова 2013 – *Карамова А.С.* Важность исследования влияния климата на туризм // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4–1 (27). С. 81–83.

- Королева 2022 – *Королева О.В.* Регион Персидского залива как перспективное направление въездного туризма России в условиях новых реалий // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 169–173.
- Оришев, Мамедов, Кортунов 2023 – *Оришев А.Б., Мамедов А.А., Кортунов В.В.* Сельский туризм в арабских странах Ближнего Востока: история и современность // Сервис plus. 2023. Т. 17. № 1. С. 65–77.
- Пряникова 2025 – *Пряникова А.А.* Ближний Восток в условиях продовольственного кризиса (на примерах Иордании, Йемена, ОАЭ) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-102-113
- Русакович 2017 – *Русакович В.И.* Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 3. С. 393–404. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-393-404
- Черевичко 2022 – *Черевичко Т.В.* Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 214–218.
- Шмыткова, Чечётенко 2017 – *Шмыткова А.В., Чечётенко Ю.С.* Влияние геополитической обстановки на развитие туризма на Ближнем Востоке в XXI веке // Крымский научный вестник. № 2–3 (14–15). С. 57–65.
- Bitusikova 2021 – *Bitusikova A.* Cultural heritage as a means of heritage tourism development // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2021. No. 1 (9). P. 81–95.
- Hall 2015 – The Routledge handbook of tourism and sustainability / ed. by C.M. Hall, S. Gossling, D. Scott. N.Y.: Routledge, 2015. 548 p.
- Kim 2019 – *Kim B., Kim S.S., King B.E.* Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects // Tourism Recreation Research. 2019. No. 4 (45). P. 1–19.
- Kozak, Alain 2009 – Handbook of tourist behavior: Theory & practice / ed. by M. Kozak, N. Alain, A. Decrop. N.Y.: Routledge, 2009. 286 p.
- Mahate, Parahoo 2022 – *Mahate A., Parahoo S.K.* Exploring the tourism development strategies of Gulf Cooperation Council countries: commonalities, contrasts and clusters // Worldwide Hospitality and Tourism Themes. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 117–130.
- Monshi, Scott 2017 – *Monshi E., Scott N.* Developing event tourism in Saudi Arabia: opportunities and challenges // Tourism in the Arab world: An industry perspective / ed. by H. Almuhrzi, H. Alriyami, N. Scott. Berlin: De Gruyter Brill, 2017. P. 33–55.
- Richter 2003 – *Richter L.K.* International tourism and its global publik health consequences // Journal of Travel Research. 2003. Vol. 41. No. 4. P. 340–347.
- Timothy 2020 – *Timothy D.J.* Tourism and the multi-faith heritage of the Middle East and North Africa: A resource perspective // Cultural and heritage tourism in the Middle East and North Africa: Complexities, Management and Practices. Milton Park: Taylor and Francis, 2020. P. 34–53.

References

- Afanashev, O.E. and Afanasyeva, A.V. (2019), "Religious tourism as a trend in the global and Russian tourism industry: conceptual essence and development models", *Service and Tourism Current Challenges*, vol. 13, no. 3, pp. 7–27.
- Barini, H. (2023), "Digital transformation in Arab countries: approaches and directions", *Informatsiya i innovatsii*, vol. 18, no. 4, pp. 47–57.
- Bitusikova, A. (2021), "Cultural heritage as a means of heritage tourism development", *Muzeológia a Kultúrne Dedičstvo*, vol. 9, no. 1, pp. 81–95.
- Cherevichko, T.V. (2022), "Tourism as an instrument of 'soft power' of international politics", *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 22, iss. 2, pp. 214–218.
- Hall, C.M., Gossling, S. and Scott, D., eds. (2015), *The Routledge handbook of tourism and sustainability*, Routledge, New York, USA.
- Karamova, A.S. (2013), "The importance of climate impact research on tourism", *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 27, no. 4-1, pp. 81–83.
- Kim, B., Kim, S.S. and King, B.E. (2019), "Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects", *Tourism Recreation Research*, vol. 45, no. 4, pp. 1–19.
- Koroleva, O.V. (2022), "The Persian Gulf region as a promising destination for inbound tourism in Russia in the new realities", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3, pp. 169–173.
- Kozak, M., Alain, N. and Decrop, A., eds. (2009), *Handbook of tourist behavior: Theory & practice*, Routledge, New York, USA.
- Mahate, A. and Parahoo, S.K. (2022), "Exploring the tourism development strategies of the Gulf Cooperation Council countries: commonalities, contrasts and clusters", *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, vol. 15, no. 2, pp. 117–130.
- Monshi, E. and Scott, N. (2017), "Developing event tourism in Saudi Arabia: opportunities and challenges", in Almuhrzi, H., Alriyami, H. and Scott, N., eds., *Tourism in the Arab world: An industry perspective*, De Gruyter Brill, Berlin, Germany, pp. 117–130.
- Orishev, A.B., Mammadov, A.A. and Kortunov, V.V. (2023), "Rural tourism in the Arab countries of the Middle East: history and modernity", *Service Plus*, vol. 17, no. 1, pp. 65–77.
- Pryanikova, A.A. (2025), "The Middle East in the context of the food crisis (on the examples of Jordan, Yemen, the UAE)", *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 102–113.
- Richter, L.K. (2003), "International tourism and its global public health consequences", *Journal of Travel Research*, vol. 41, no. 4, pp. 340–347.
- Rusakovich, V.I. (2017), "Economic development and diversification in the Gulf group countries: current trends", *RUDN Journal of Economics*, vol. 25, no. 3, pp. 393–404.

- Shmytkova, A.V. and Chechyotenko Yu.S. (2017), "The impact of geopolitical environment on tourism development in the Middle East in the 21st century", *Krymskii nauchnyi vestnik*, vol. 14–15, no. 2–3, pp. 57–65.
- Timothy, D.J. (2020), "Tourism and the multi-faith heritage of the Middle East and North Africa. A resource perspective", in *Cultural and Heritage Tourism in the Middle East and North Africa. Complexities, Management and Practices*, Taylor and Francis, Milton Park, UK, pp. 34–53.
- Voronina, T.V., Yatsenko, A.B. and Kheder, Z. (2023), "The state and factors of the development of international tourism in the Middle East", *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 3, pp. 55–66.

Информация об авторах

Елена М. Крюкова, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; lena-krukova@yandex.ru

Виктор М. Заернюк, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе, Россия, Москва; 117997, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 23; zvm4651@mail.ru

Information about the authors

Elena M. Kryukova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 4, Wilhelm Peak St., Moscow, Russia, 129226; lena-krukova@yandex.ru

Viktor M. Zaermyuk, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting, Moscow, Russia; 23, Miklukho-Maklai St., Moscow, Russia, 117997; zvm4651@mail.ru